

Мэри Кэссиди

судмедэксперт с 30-летним опытом,
государственный судмедэксперт Ирландии

18+

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ – ТЕЛО

СУДМЕДЭКСПЕРТ

о подозрительных смертях,
вскрытиях и расследованиях

НЕЕСТЕСТВЕННЫЕ
ПРИЧИНЫ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Неестественные причины. Книги о врачах, без
которых невозможно раскрыть преступление

Мэри Кэссиди

**Место преступления –
тело. Судмедэксперт о
подозрительных смертях,
вскрытиях и расследованиях**

«ЭКСМО»

2020

УДК 340.6
ББК 58

Кэссиди М.

Место преступления – тело. Судмедэксперт о подозрительных смертях, вскрытиях и расследованиях / М. Кэссиди — «Эксмо», 2020 — (Неестественные причины. Книги о врачах, без которых невозможно раскрыть преступление)

ISBN 978-5-04-156233-5

У Мэри Кэссиди простой подход к смерти: в ней нужно разобраться. И если есть доказательства того, что она была насильственной, необходимо принять меры, чтобы справедливость восторжествовала. За свою 30-летнюю практику она провела тысячи вскрытий, а также занималась установлением личности солдат из братских могил, изучала тела жертв серийных и бытовых убийств и несчастных случаев, давала показания в суде и порой сталкивалась с альтернативными версиями расследуемого случая. В этой книге она делится подробностями самых душераздирающих, загадочных и просто сложных дел, в которых участвовала, а также рассказывает об истоках судебной патологической анатомии и современных методах судмедэкспертизы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 340.6
ББК 58

ISBN 978-5-04-156233-5

© Кэссиди М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Предварительное вскрытие	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мэри Кэссиди
Место преступления – тело:
судмедэксперт о подозрительных
смертях, вскрытиях и расследованиях

Моей семье. Эта книга поможет вам понять, почему меня так часто не было рядом. Простите меня.

Правосудие не может восторжествовать только для одной стороны, оно должно свершиться для обеих.
Элеонора Рузвельт

© Иванова А.В., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предварительное вскрытие

«Виновен в убийстве», «Не виновен в убийстве, но виновен в непредумышленном убийстве», «Не виновен» и, как говорят в Шотландии, «Не доказано». Так заканчиваются процессы по делу об убийстве. Но как они начинаются и как мы добиваемся конечного результата? Что ж, я участвую в расследовании убийств и заявляю с характерным шотландским акцентом: я – судебный медик. Не то чтобы я всегда признавалась в этом. Раньше никто не знал, что это за профессия, но теперь, благодаря средствам массовой информации, все, кажется, думают, что мы – эксперты во всех областях судебной медицины. Спасибо сериалу «CSI»¹.

Фактически, немного сериалов могут похвастаться точным представлением нашей работы. Сериальный судебно-медицинский эксперт бывает отчасти патологоанатомом, отчасти полицейским, отчасти занимается судебной медициной. Поверьте, на экране все выглядит куда более захватывающе, чем в жизни.

Сериал «Таггерт»², вероятно, был наиболее точен в изображении этой профессии, поскольку там специалист не выходил из морга и по окончании вскрытия пропадал из кадра. Стоит отметить, что хоть и частично, но создатели сериала действительно знали, как идет процесс раскрытия убийства. Однако даже они не воссоздали точной картины того, как это происходит в Шотландии: из-за требования закона о подтверждении всех относящихся к делу фактов расследовать каждое убийство должны два судебных патолога. Вероятно, из-за бюджетных проблем в сериале был изображен только один – стереотипный бородатый мужчина средних лет.

Единственным судебным медиком, который мог бы считаться образцом своей профессии, был Джон – или, как его обычно звали, Джек – Харбисон, профессор судебной медицины и государственный патолог Ирландии. На любой судебно-медицинской конференции он играл роль выдающегося «мальчика с обложки» для своей профессии. Дабы соблюсти юридические тонкости, при съемке сцен в морге в «Таггерте» использовали пару резиновых сапог, подразумевающая наличие второго судебного патолога – без дополнительных затрат. Только в 2001 году в сериал ввели женщину – судебного медика, примерно через 16 лет после того, как первая женщина – судебный медик стала работать в Глазго. И это несмотря на то, что я много лет была консультантом этого сериала.

В 1996 году появился сериал «Безмолвный свидетель», где ведущую роль играла именно женщина-судмедэксперт, что отражало растущее число женщин, занятых в данной области. Но ее роль пришлось усилить, и внезапно судмедэксперт стал ключевой фигурой в расследовании убийства, а не просто одним из закулисных персонажей. Теперь доктор Сэм Райан появлялась на допросе свидетелей – как будто бы полиция разрешала судебному медику заниматься подобным.

С тех пор в обществе возникло некоторое непонимание: что все-таки судебные патологи делают? Ответ прост: мы проводим аутопсию³, чтобы установить причину смерти, даже если порой эта причина кажется очевидной, и благодаря этому можем определить, стала ли смерть результатом убийства.

Вся система расследования смертельных случаев была создана для того, чтобы не упустить из виду смерти в результате убийства, однако сейчас ее роль разрослась: система помогает

¹ В русском прокате «CSI: Место преступления», американский телесериал, транслировавшийся в 2000–2015 годах. – *Прим. ред.*

² Шотландский детективный сериал, транслировавшийся в 1983–2010 годах. – *Прим. ред.*

³ Аутопсия – вскрытие (англ.) – *Прим. ред.*

следить за здоровьем населения. Основная роль судмедэкспертов, впрочем, остается прежней: установить, было совершено убийство или нет.

Когда люди узнают, что я работаю судебным медиком, обычно я слышу вопрос: «Как и зачем ты решила им стать?», а дальше: «Какое дело было самым чудовищным?».

Вопрос «как» обычно задают школьники или студенты медицинского факультета, которые интересуются судебной экспертизой, не обязательно патологической анатомией, – им любопытно, легко ли попасть в мир криминалистов. Краткий ответ – непросто. Вопросом «зачем» задаются мои коллеги. В Глазго считалось, что я, наверное, не слишком хороша для того, чтобы быть больничным патологоанатомом (это не так, я даже стала членом Королевской коллегии патологов с первой попытки), но в Ирландии все немного по-другому: «Ты что, из ума выжила? Могла бы зарабатывать вдвое больше и не оставаться вечно на связи в ожидании вызова, не работала бы по ночам и в выходные». Справедливо, однако для меня эта профессия не про деньги, хотя это и не дает моим работодателям права наживать на моем добродушии.

Что касается вопроса о том, какое дело было самым чудовищным, – обычно его задают либо мальчики-студенты переходного года⁴, либо будущие психопаты. Обычно я уклоняюсь от ответа, потому что потом, как пить дать, чья-нибудь мама позвонит мне с обвинениями в том, что я травмировала этим рассказом ее сына, или история во всех деталях появится на развороте газеты «The Sun» (такое уже случалось). Эта книга – моя попытка ответить на вопросы более подробно. А именно – провести читателя за ленту полицейского ограждения в реальный мир судебной экспертизы, не такой, как показано в сериале «Медэксперт Куинси»⁵ (если вы мои ровесники) или «Место преступления» и «Безмолвный свидетель» (для тех, кто помладше). Я расскажу об истоках судебной медицины, ее современном применении, а также поделюсь своими иногда захватывающими, иногда душераздирающими приключениями, случившимися за более чем 30 лет.

⁴ Переходный год – это необязательная одногодичная школьная программа, которую можно пройти через год после получения аттестата в Ирландии. – *Прим. пер.*

⁵ Американский телесериал, транслировавшийся в 1976–1983 годах. – *Прим. ред.*

Глава 1

Начало

Летом 2000 года самолет, на борту которого была я, приземлился в Сьерра-Леоне⁶. По стандартам ООН, путешествие через Гвинею прошло без особых происшествий. Меня вместе с Робертом МакНилом, старшим специалистом, заведующим моргом в больнице Western Infirmary в Глазго, сотрудники ООН доставили в отель на берегу города Фритаун, столицы Сьерра-Леоне. Отель отдали ООН под штаб-квартиру в 1999 году, когда организация взяла на себя роль миротворца после гражданской войны, бушевавшей с начала 1990-х.

Там мы встретились с остальными членами команды. Наша миссия заключалась в том, чтобы вернуть тела небольшой группы солдат ООН, убитых в разгаре конфликта. Мы должны были установить личности погибших и определить причину смерти. Нам сказали, что попасть на место преступления может быть затруднительно, но также заверили, что все разрешится в течение одного-двух дней. Я выступала в качестве судмедэксперта и отвечала за определение причины смерти, Роберт же отвечал за оборудование. Я прилетела из Ирландии, он – из Глазго, но мы работали вместе с 1980-х, а потому были хорошими друзьями. Вскоре к нам присоединилась Сью Блэк, судебный антрополог из крупного и успешного университета в Данди. С ней мы уже работали над несколькими делами, когда я еще жила в Глазго. Она отвечала за опознание тел.

Еще с нами был судебный рентгенолог Марк Винер, эксперты-криминалисты, в том числе фотограф, дактилоскопист и сотрудник, ответственный за хранение вещественных доказательств, – все они прибыли из Англии, чтобы присутствовать при извлечении тел, записи и съемке места преступления. За нашу безопасность в Сьерра-Леоне отвечали нигерийская и индийская армии.

Траншея, в которой лежали тела, находилась в тылу врага, отсюда и сложности с попаданием на место преступления. Мы надеялись, что армия ООН сможет отбросить мятежников и удержать их, чтобы дать нам время достать тела.

Внезапно я поняла, что мой муж, возможно, был прав, когда раздражался из-за моего безрассудного отношения к собственной безопасности и к тому, как это может повлиять на всю нашу семью, если что-то пойдет не так. Британское правительство запретило Сью выходить из отеля, пока они не убедятся в ее безопасности, но, казалось, никто не беспокоился обо мне, Роберте и Марке – мы ожидали сообщения, что вражеская армия отброшена и появилось небольшое временное окно, чтобы попасть к телам и вернуться обратно.

Следующим утром нас забрали, посадили в вертолет и повезли в джунгли. Нигерийский командующий допросил нас, сказал, что нам необходимо двигаться, как только получим сигнал, и не поднимать головы: европейцы были легкой мишенью. На джипе мы заехали глубже в заросли. Казалось, там мы просидели несколько часов, пока не узнали, что мятежники отброшены, однако армия ООН не могла предугадать, сколько им удастся сдерживать вражеский натиск. Мы пробежали к окопу, не поднимая голов. В конце концов там мы проработали небольшое количество времени, раскопали тела и задокументировали все находки. Первая фаза прошла успешно, без происшествий.

Потом нас передали индийской армии – мы были приглашены на обед, – а затем мы вновь запрыгнули в джип и вернулись к своим.

⁶ Государство в Западной Африке. В 1990-х годах в стране произошел внутренний вооруженный конфликт. – *Прим. ред.*

Лагерь индийцев располагался недалеко от вражеской линии. Нам казалось, еду будут подавать в жестянках, однако мы не поверили своим глазам: посреди джунглей на поляне раскинулась невероятная палатка, походившая на миниатюрный Тадж-Махал.

Нам предложили горячую воду, чтобы умыться; я попробовала лучшую индийскую еду в своей жизни, а вино подавали в настоящих бокалах.

Мы вернулись в отель, чтобы сообщить коллегам последние новости и назначить вскрытие на следующий день. К счастью, местный судмедэксперт согласился предоставить нам свой морг. На следующее утро мы вновь отправились во Фритаун, на этот раз в больницу. Несмотря на очевидную бедность и тот факт, что многие местные жили в хижинах, по большей части люди казались вполне счастливыми: дети ходили в школьной форме, в ослепительно-белых рубашках и носках. Свидетельства войны были повсюду: многие мужчины носили ужасные шрамы, у некоторых недоставало конечностей, но жизнь продолжалась.

Морг оказался темным и сырым, в комнате находилось лишь базовое оборудование, но его нам было достаточно. Помещение вызывало приступы клаустрофобии, а смрад стоял невыносимый. Вскрытие не обещало трудностей: нам было необходимо опознать мужчин и установить причину смерти.

В какой-то момент я вышла из морга, чтобы подышать свежим воздухом. Здание находилось за больницей, вокруг рос густой кустарник. Я оперлась на дверь и огляделась: неподалеку стояло дерево без единого листика, а на ветви взгромоздились два стервятника и смотрели на вход в морг.

По спине пробежала дрожь. Как, скажите на милость, я оказалась здесь? Я ведь никогда не собиралась становиться судебным медиком. Как и многие определяющие события в моей жизни – брак, дети, переезд в другую страну, – это случилось как-то само собой. Я была средним ребенком в семье, отец работал поставщиком угля. Уверена, его клиенты думали, что у нас очаровательная жизнь, и мне тоже так казалось. Мы жили в муниципальном доме с одной спальней в небольшом городке Крейгнеек в 30 километрах от Глазго, но, когда мне исполнилось семь лет, переехали в дом с тремя спальнями в Уишо в нескольких километрах. Там у нас с младшей сестрой Моникой была спальня на двоих, а наш брат Джим – старше меня на семь лет – занял отдельную комнату. Нам казалось, дела пошли в гору.

Однако, сравнивая нашу жизнь с жизнью друзей, мы видели разницу: по пятничным вечерам и субботам мы работали на благо семейного бизнеса. Мы собирали «кредитные деньги» – деньги, которые получали за уголь, доставленный клиентам в течение недели. Особой квалификации для такой работы не требовалось: нужно было сложить стоимость двух мешков с углем, мешка углевого мусора и жидкости для розжига, а еще знать, сколько отдать сдачи с пяти фунтов. Как только мы овладели арифметикой, то стали получать зарплату. Вернее, не совсем, но у нас всегда были деньги на сладости, которые можно купить в школе. В классе я лучше других владела арифметикой, особенно счетом в уме.

Поэтому с шести или семи лет мы с Моникой стали помогать родителям. Иногда мы ездили по домам в машине, но куда веселее было ехать в грузовике. Маленькими мы порой запрыгивали на подножку грузовика, как ниндзя, а затем карабкались в кабину, часто во время движения. Мыслей о здоровье и безопасности даже не возникало. Я все еще помню, где была, когда узнала новость о смерти Джона Кеннеди: собирала деньги за уголь «на проселочной дороге». Отец никогда особо не запоминал названия дорог и деревень, но мы всегда понимали, о каком месте он говорит. Хуже дело у него обстояло с именами (думаю, это наследственное, потому что я страдаю тем же). Он перевел игру в ассоциации на новый уровень: «Кошатницей» стала женщина с несколькими кошками (я старалась не заходить к ней домой, пока она искала деньги, так как запах стоял убийственный), а «Фартучком» – пожилая леди, попросившая отца

купить ей новый фартук или передник, чтобы надеть его на парад Оранжевого ордена⁷ («Пусть вы и католик, мистер Кэссиди»), сама она не могла попасть в магазин. Отец же был услужливым человеком.

Жизнь шла бы своим чередом, «нормально», если бы отец не избегал лечения так называемого уплотнения артерий – атеросклероза, вызванного частично генетической гиперхолестеринемией (у меня она тоже есть), но в основном курением больше восьми сигарет в день (этого я не делаю).

Помню, что отец уже не мог гулять с нами, потому что приходилось останавливаться каждые несколько минут из-за болей в ногах – состояние, известное как «перемежающаяся хромота». Потребовалось медицинское вмешательство и длительное пребывание в больнице. Бизнес отца пострадал, но я была рада возвращаться домой пораньше в пятничные вечера и в субботу, потому что у нас стало меньше клиентов. Вероятно, тогда и зародились первые семена интереса к медицине: большую часть воскресных дней я проводила в больнице у отца и навещала других бедных родственников.

Мои выходные проходили по-настоящему скучно: я работала по вечерам в пятницу и в субботу днем, а воскресенье проводила в больнице. Где же социальные службы, когда они так нужны? В любом случае, в школе все шло отлично, я все еще оставалась лучшей в арифметике, а в 11 лет отправилась в среднюю школу, где, как тогда бывало, увлекались науками больше, чем языками, что меня вполне устраивало. Мне действительно нравилась физика, а мистер Даффи, наш учитель, умел интересно ее преподавать. Все пять лет, проведенные в средней школе Элбвуд в городе Ботуэлл, прошли по большей части хорошо, однако должна вам признаться, что не очень-то любила школу. Думаю, дело было в других детях. Мне они никогда особенно не нравились – даже будучи сама ребенком, я их не жаловала. Мне хотелось окончить школу, но – параллельно работая последние девять-десять лет – мне не так уж сильно хотелось ее покидать только для того, чтобы после устроиться на работу в банк, как мечтали некоторые мои друзья.

Тем временем у отца случилось несколько сердечных приступов, и, несмотря на операции на ноге, ее в конечном счете пришлось ампутировать. Он попытался продолжить работу, однако это означало, что нам пришлось бы помогать ему как с поездками на грузовике, так и с работой вне транспорта, а в долгосрочной перспективе это было невыполнимой задачей. Тогда, вероятно, и определилось мое будущее.

Когда меня спросили, что бы мне хотелось изучать в университете, я ответила: «Медицину», – чем привела в ужас монахинь. Те считали, что мы, девочки, должны становиться учителями, монахинями, нянечками или женами и матерями. Я и себя удивила этим выбором, но, как только слово вылетело, назад пути не осталось.

Я пришла домой, объявила о своем решении отцу, который тогда был прикован к постели, и он пришел в восторг. Через несколько месяцев у него случился еще один приступ, и он умер. А я должна была закончить начатое.

Я еще не рассказала о своей маме. Она была Скарлетт О'Хара для своего Ретта Батлера⁸. Он сам сколотил свою жизнь, она была очаровательной и веселой, а завтрашний день был всего лишь очередным днем для них. Но жизнь оказалась совсем не такой, какой мама себе ее представляла, когда выходила замуж за единственного завидного жениха во всей деревне. Как только здоровье отца ухудшилось, ей пришлось взять ответственность за все дела на себя. На смену жизни в относительной праздности пришла грязная работа, и мама сама садилась в

⁷ Оранжевый орден – протестантское братство, базирующееся в основном в Северной Ирландии и Шотландии. – *Прим. пер.*

⁸ Речь идет о главных героях романа «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл. – *Прим. ред.*

грузовик, чтобы убедиться в том, что наша семья получит свои деньги. Бог знает, что говорил ей парикмахер, видя, что ее обычно светлые кудри припорошены угольной пылью. В конце концов и она признала, что не справляется: бизнес сошел на нет, а ко мне неожиданно вернулись выходные дни.

Через несколько недель после смерти отца я уже сдавала экзамены, чтобы попасть в университет. К счастью, моих результатов оказалось достаточно, и меня приняли в университет Глазго. В 17 лет я уже была на пути к получению медицинского диплома. Как обычно, ситуация с деньгами меня не слишком-то волновала. В Шотландии, как ребенок из неполной семьи (мама теперь работала страховым агентом, а это означало, что по субботам мне снова приходилось собирать деньги), я могла подать на грант, чтобы покрыть стоимость учебы, оплату проезда и расходы на жилье. Несмотря на стесненные обстоятельства, у нас по-прежнему существовал предполагаемый родительский вклад, что мама интерпретировала как мой вклад в помощь родителям: этим я была занята по вечерам в пятницу, а по субботам в местном баре и ресторане зарабатывала себе на проезд и некое подобие социальной жизни.

Университет оказался школой жизни. Внезапно из прилежной девочки, входящей в 10 % самых умных ребят школы, я стала довольно средним студентом в сравнении с другими. Теперь в списке результатов экзаменов я уже искала свою фамилию, начиная не сверху, а снизу, и выдыхала только в тот момент, когда понимала, что набрала больше 50 %.

Первое знакомство с «пациентом» произошло на втором году обучения, на занятиях по анатомии в 1972 году. Спасибо людям, жертвующим свои тела науке: студенты-медики изучают анатомию во время скрупулезного вскрытия настоящего человеческого тела. Как правило, анатомические отделения представляют собой темные здания с тошнотворным запахом бальзамирующих жидкостей. Группе из восьми человек предстояло работать с телом взрослого мужчины. Нам не дали никакой информации о том, кем он был и как умер. Теперь я знаю, что подробности держатся в секрете, чтобы студентов не сбивали с толку различные анатомические особенности, естественные или приобретенные в ходе хирургических вмешательств.

Люди, ответственные за выбор тел для анатомических занятий, очень придирчивы. К счастью, к тому моменту, когда процесс отбора идет полным ходом, донор уже не может знать о происходящем и не будет расстроен, если ему откажут в полном вскрытии из-за ожирения, слишком большого количества операций или банального несоответствия требованиям.

Тем не менее в таких случаях человек может стать, например, донором роговицы, а остальные части тела пойдут на исследования.

На «нашем» теле была татуировка – сердце с именем Бесси внутри, – поэтому мы стали ласково звать его «парень Бесси». Мне нравится думать, что в течение года мы узнали о нем больше, чем Бесси могла себе вообразить. В связи с этим в моей голове поселилась мысль о том, что татуировки полезны, когда нужно опознать тело. Но если уж вы фиксируете на теле – в цвете и эффектно – имена любовников, возможно, стоит подумать о том, чтобы зачеркивать тех, кого больше нет в вашей жизни. Просто на всякий случай.

Медицинским школам, возможно, следует внимательно следить за студентами на курсе анатомии, так как на этом этапе становятся заметны личностные черты, которые помогают определить, к какой отрасли медицины лежит душа у студента. Мне всегда хотелось проводить вскрытие медленно и тщательно, однако меня – хрупкую и самую юную в группе – вытаскивали более решительные студенты, которым хотелось провести как можно меньше времени в секционном зале. В результате их чрезмерного энтузиазма о некоторых частях тела у меня до сих пор туманное представление. Однако даже мне не хотелось корпеть над каждой костью рук или ног слишком долго. Слава богу, на свете есть антропологи. Впрочем, не было большой разницы в том, много мы проводили времени в зале или нет, от нас все равно пахло форма-

лином. Плюсы в этом есть: всегда можно разогнать студентов в обычно переполненном баре, куда я, став старше, стала часто заглядывать. В любом случае анатомия заставила меня кое о чем задуматься.

Как только мы изучили азы, наступило время знакомиться с живыми пациентами. Вот когда все пошло не по плану. Два года обучения позади, еще четыре впереди. Возможно, такой вводящий в систему подход, представляющий пациентов еще на заре обучения, может помочь с решением поменять специальность, если студент поймет в процессе, что не создан для этой работы. Мой путь начался с гемодиализа⁹. Предполагается, что все просто: вполне здоровые люди ждут, пока из крови уйдут токсины, и радуются, что кто-то составляет им компанию и разгоняет скуку ожидания. Вот как было у меня: кровь бежала по трубке между мужчиной и аппаратом, а следующее, что я помню – я проснулась на койке рядом с приятным пациентом, с которым я болтала во время процедуры.

Затем была операционная. Проводили геморроидэктомию¹⁰. А пол оказался довольно твердым, когда я на него приземлилась... Что ж, по крайней мере, я начала понимать, для какой области медицины я точно не рождена. Следующие четыре года я вычеркивала специальности с набирающей обороты скоростью. Беременные и младенцы? Нет. Дети? Даже консультант сказал мне «нет». Что-то, связанное с работой в отделении, в том числе по ночам – тоже нет. Это решение пришло ко мне, когда я работала врачом в местном хирургическом отделении. В то время студенты медицинского института должны были подменять ушедших на каникулы или в отпуск интернов. Помню, как стояла во втором часу ночи у окна в хирургическом отделении и думала: «Что я вообще здесь делаю и почему отвечаю за всех этих больных людей?»

Обучение заканчивалось, а я все еще не представляла, чем хочу заниматься. Через шесть месяцев мне предстояло стать врачом. Медицина дала мне шестилетнее образование, чтобы я преуспела в профессии. Я завалила всего один экзамен по дисциплине «общественное здравоохранение», но в свою защиту хочу сказать, что вопросы задавали об акушерстве и гинекологии где-то в Африке, а у меня и без того было достаточно проблем с ними в Глазго. Мне пришлось пересдавать, и эта пересдача дала полугодовую передышку.

Вместо того чтобы сразу стать интерном, я на месяц отправилась в отпуск и вернулась куда более счастливой, потому что теперь у меня была цель: патология. Никаких живых пациентов, только органы в банке и вскрытие тела. Значит, я могла получить диплом, пройти интернатуру, и моя карьера встанет на нужные рельсы.

Интернатура окончательно убедила меня в том, что оставить живых пациентов было хорошим решением, хотя оказалось сложно принять тот факт, что после более чем шести лет обучения приходится всего лишь фиксировать результаты анализов крови. Однако, работая в больницах на периферии, я часто замечала, что я действительно самый молодой врач, а по ночам и выходным остаюсь единственным человеком в больнице. Было даже удивительно, что кто-то из нашей больницы уходил живым. Часы работы тоже казались странными: наша обычная неделя состояла из трех 12-часовых смен, одной расширенной смены, длившейся до полуночи, и одной ночной смены. Мы дежурили на дому по выходным раз в три недели, а если кто-то из коллег заболел, то, бывало, и каждые выходные.

Дежурство на дому начиналось в пятницу утром и заканчивалось утром в понедельник. Иногда старший врач, отлично отдохнувший за игрой в гольф на выходных, мог сжалиться над нами и отпустить пораньше после обхода отделения, но только после того, как мы возьмем у пациентов кровь и занесем результаты в бланк. Порой нам доводилось выполнять про-

⁹ Метод внепочечного очищения крови с помощью специального аппарата. – *Прим. ред.*

¹⁰ Хирургическое лечение геморроя. – *Прим. ред.*

цедуры, опыта в которых у нас не было, но они входили в «карманный справочник интерна». Однажды пожилой мужчина попросил промыть ему уши перед выпиской. В «карманном справочнике» ничего не говорилось о том, что лучше использовать для этого теплую воду, потому что холодная может вызвать слишком быстрое движение глаз, отчего у пациента иногда начинаются тошнота и головокружение¹¹. Что ж, по крайней мере, мужчина расслышал мои извинения. Этот тест с холодной водой в ушах теперь используют для того, чтобы понять, мертв ли мозг у человека. Тот пожилой господин определенно был жив.

Год я провела, кочуя из отделения в отделение, от специальности к специальности. Однажды в пятницу вечером я совершила ошибку: забыла выписать пенициллин пациенту, прибывшему после операции. Обычно такое строго наказывается. Ошибку заметили только утром, во время обхода отделения. Когда врач-консультант выпустил пар, высказавшись относительно некомпетентности интерна (моей, то есть), пациент вставил слово... Он забыл предупредить о том, что на пенициллин у него аллергия. Врач тогда спустил собак и на пациента. Мне пришлось извиняться перед обоими за свою ошибку. Конечно, я ничего не сказала о том, что случайно спасла пациенту жизнь. Однако с тех пор я свой урок выучила и всегда проверяю, нет ли у пациентов аллергической реакции. Я всегда следую инструкции.

Я едва не сбилась с намеченного пути, когда работала в приемном отделении скорой помощи. Там все было именно так, как показывали по телевизору. Люди появлялись на пороге в мыле и в ярости.

Головные боли, дорожные происшествия, сломанные руки и ноги, разбитые носы и кровотечения, люди с ментальными расстройствами и прорва прочих жалоб. Прелесть работы там заключалась в том, что после лечения эти люди уходили и чаще всего никогда больше не появлялись. Больница стояла в захолустье, врачей не хватало. Мне приходилось быть пластическим хирургом, когда я зашивала лица после того, как люди вылезали из машин через разбитые в аварии лобовые стекла; лором, когда останавливала носовые кровотечения и промывала уши (помня о том, что нужно использовать теплую воду); даже офтальмологом, когда приходилось вытаскивать посторонние предметы из глаз. Ничто из этого сейчас невозможно без предварительной практики, да и тогда не следовало такого допускать.

Еще одной моей обязанностью стало накладывание гипса на сломанные конечности. «Лепщики гипса» не работали по ночам и выходным дням, а этому навыку в медицинской школе нас не учили. Старая аксиома гласит, что если с чем-то справится человек с одним только школьным образованием в загашнике, то и человек с медицинским дипломом сможет это сделать. Вы когда-нибудь клеили обои? Ну, вот и все. К счастью, все мои пациенты с переломами на следующий день обращались к хирургу-ортопеду для хирургического вмешательства. Поэтому при обращении с переломами все, что от меня требовалось, – убедиться в том, что в ближайшие сутки пациенту не станет хуже, чем есть. И я накладывала как можно больше гипса. После этого моим только что загипсованным пациентам требовался грузовик, чтобы увезти их из отделения, зато конечности у них были зафиксированы прочно.

Во время интернатуры я подала заявку на участие в нескольких программах обучения патологии. Их преподаватели, похоже, от меня не были в таком восторге, в каком я пребывала от них, поэтому я решила немного изменить курс и попробовать силы в приемном отделении скорой помощи. Я только переехала в Данди, чтобы занять пост, когда услышала о перестановках в отделении патологии. Произошли изменения в старшем составе, и тогда на время отложили письмо с предложением мне занять у них место стажера. Я решила, что, может, стоит

¹¹ В отоларингологии существует даже так называемая калорическая проба, с помощью которой исследуют функцию вестибулярного аппарата. Слуховой проход промывается водой различной температуры. Если говорить о холодной воде, то в норме возникает так называемый нистагм (быстрое движение глаз), направленный в сторону уха, которое подвергается калоризации. – *Прим. науч. ред.*

дать шанс отделению скорой помощи, и сама отложила принятие решения о своем будущем на потом.

Королевский лазарет Данди оказался намного больше тех больниц, где я работала, будучи интерном. К тому же там были все необходимые специалисты, в отличие от больниц на периферии. Теперь я занимала должность своеобразного инспектора дорожного движения в коридорах больницы: осматривала пациентов и отправляла их к нужному специалисту. Такая работа гарантировала сохранность больных, но мне было скучновато. Поэтому я решила: иду в патологию.

В 1979 году началось мое обучение. Сразу стало понятно, что комфортнее всего мне на вскрытиях.

С порога меня ждал настоящий марафон, занявший весь день, и сложнее всего было набраться храбрости, чтобы взять в руки скальпель и разрезать тело. В конце концов мой босс потерял всяческое терпение: «Он мертв, хуже ты точно не сделаешь».

Когда мы закончили, я все еще не понимала, от чего этот человек умер, пока мне не указали на свернувшуюся кровь, которую я тщательно удалила из сосудов в легких, – она свидетельствовала об эмболии легких, т. е. тромб из ноги попал в сосуд легких, чем вызвал смерть. Тромбоз глубоких вен – частое осложнение в случае, когда человек прикован к постели, при этом врачи прилагают усилия, чтобы избежать возникновения тромбоза.

В отделение патологии в больнице Глазго привозили людей, умерших на больничной койке, поэтому вскоре я научилась определять смерть от сердечного приступа, от раковых метастазов, кровоизлияния в мозг и сепсиса. От любых естественных причин, разрушающих тело и вызывающих смерть. Порой я удивлялась, как человек прожил столько лет, когда все его органы находились далеко не в лучшем состоянии.

В морге я показывала хорошие результаты, но с лабораторией не складывалось. Лаборанты тщательно обрабатывали ткани, отделенные от тел, нарезали тонкими полосками и окрашивали красителями, чтобы клетки было лучше видно, помещали ткани на предметные стекла и отправляли патологам в картонных лотках размером с лист бумаги. Все шло своим чередом. Предметные стекла осторожно устанавливались под микроскоп, настраивался фокус. Когда я смотрела на них, казалось, будто гляжу в калейдоскоп – столько разных цветов. Такая мистерия. Я понятия не имела, на что смотрю. Единственной подсказкой мне служил запрос из лаборатории, которая возвращала ткани с описанием. Другой стажер, приступивший к работе в одно время со мной, весело определял не только ткани, но и патологии. Катастрофа, учитывая, что моя карьера стояла под вопросом. Поблажки делались, чтобы дать стажерам шанс войти в курс дела, однако рано или поздно наступал момент, когда нужно определить, подходит человек для этой работы или нет. Я решила придерживаться плана, который помог мне на выпускных экзаменах: не говори ничего, возможно, сойдешь за идиота, но доказательств этому не будет. Мне нравился процесс вскрытия и люди на работе, мне не хотелось уходить, однако была вероятность, что мой контракт могли не продлить после полугодовой стажировки.

А затем кое-что произошло. Готовая к очередному разочарованию, я припала к микроскопу... и смогла распознать, на что смотрю. Передо мной лежал материал, собранный в ходе выскабливания матки в фазе пролиферации: ацинозно-клеточная опухоль кишечника и совершенно нормальная ткань молочной железы без признаков рака или кожных полипов. Игра началась.

Следующие пять лет прошли без особых приключений, я, похоже, нашла свою нишу. На горизонте маячил заключительный экзамен по патологии, больше формальность, чем настоящее испытание. А потом я перестала считаться стажером и должна была начать поиски работы.

Никаких перспектив в Глазго не было, и я сомневалась в своих шансах вскоре получить место консультанта¹². Пока я устроилась в больнице Стобхилл и понимала, что нравлюсь не всем. Для начала, я искренне любила патологию и с нетерпением ждала начала рабочего дня. В то время меня отправили в другое отделение гистопатологии, в Королевский лазарет Глазго. Многие убили бы за возможность поработать в нем или Западном лазарете. Другие больницы, включая Стобхилл, считались третьесортными.

Однако быть врачом в крупной больнице не так уж легко. Единственной отрадой для меня стал тот факт, что за короткий промежуток моего пребывания в Королевском лазарете ни один из стажеров в их отделении патологии не хотел делать вскрытия и мне выпал шанс провести много времени в морге. Это нисколько не остудило мой пыл, что не осталось незамеченным. Когда однажды утром понедельника профессор патологии взглянул на меня и спросил: «Чего ты так сияешь? Утро понедельника на дворе!», я позвонила Роду, своему боссу в Стобхилле, и попросилась обратно, домой. К счастью, стажер, с которой я тогда поменялась местами, в Стобхилле чувствовала себя еще хуже и отчаянно искала возможность вернуться в родное отделение.

Еще одним существенным недостатком оказался мой внешний вид. Я носила высокие каблуки и красила волосы, каждый раз получая на выходе разные цвета. Похоже, вся лаборатория делала ставки, споря, с каким цветом я появлюсь утром в понедельник. Домашние окрашивания бывают непредсказуемыми. Поэтому частенько меня называли легкомысленной, хоть Род и защищал меня. Когда я с первого раза попала в Королевский лазарет, профессорам пришлось признать, что я не совсем безнадежна.

Шотландию и Англию разделяла не только большая стена, но и законодательная система – она оказалась совершенно другой. Когда я искала место консультанта в Англии, то поняла, что система вскрытия и процесс расследования по делу о смерти тоже отличаются.

Я смутно припоминала лекции по судебной медицине на четвертом курсе – им я уделяла столько же внимания, сколько и лекциям по тропической медицине, а учитывая тот факт, что дальше Майорки я не ездила, мне казалось, что знания о лейшманиозе мне вряд ли пригодятся.

Я узнала, что в Шотландии при подозрении, что человек погиб в результате неестественных причин, тело отдавали на экспертизу судмедэксперту. Мне также сообщили, что в Глазго работают три судмедэксперта. Они никак не зависели от отделений патологии в местных больницах и работали в городских моргах в центре города, где имели дело с дорожно-транспортными происшествиями, смертями в результате повешения и передозировки, с людьми, погибшими на улицах, а также убитыми. В Англии расследования внезапных смертельных случаев, а также смертей от неестественных причин проводили медики из больницы, однако если подозревали убийство, тело отдавали на исследование судебному медику. К тому моменту я могла делать вскрытия с закрытыми глазами, но никогда ко мне в руки не попадались те, кто погиб при пожаре, утонул или умер в результате насильственных действий – только люди, которые умерли в больнице от естественных причин. Мне бы пришлось столкнуться с другой стороной своей работы, если бы удалось заполучить место консультанта в Англии.

Как-то я встретила со своим профессором патологии, чтобы обсудить перспективы. Он заверил меня, что, если я продержусь здесь, какая-нибудь работа рано или поздно подвернется и у меня есть все шансы ее получить. Что в переводе означало: шансов нет, если только всех стажеров Королевского и Западного лазаретов не смоем цунами в местную реку Клайд. Я обсудила с ним возможность переезда на юг и объяснила, что для этого мне нужен опыт в судебной патологии. Его это ошарашило. В середине 1980-х годов у судебных патологов, мягко

¹² Старшая из должностей в больничной иерархии. – *Прим. ред.*

говоря, была не лучшая репутация: считалось, что это люди, которые не справились с гистопатологией и теперь разбираются со смертями отбросов общества. Профессор быстро пришел в себя, пообещал посмотреть, что можно сделать, а потом поскорее ушел. Мне тут же пришла в голову мысль, что вот оно: я превратилась из легкомысленного медика в токсичного. Позже в тот же день он позвонил мне, чтобы сказать, что я могу присоединиться к судебно-медицинскому отделению на две недели. Я была вне себя от счастья. Профессор также сказал, что есть потенциальное место для меня. Заинтересована ли я в карьере в области судебной патологии? Есть вакансии, на которую не могут найти человека. На этот раз пришла моя очередь застыть от удивления. Я поблагодарила его за щедрое предложение, но ответила, что двух недель мне будет достаточно. Тогда я еще не представляла, что этот звонок изменит мою жизнь.

Через пару недель я отправилась в городской морг. Я знала, что провожу вскрытия лучше других стажеров, но сомневалась, смогу ли понять, что делать с теми повреждениями на телах, которые увижу. В голове еще оставались свежие воспоминания о работе в отделении скорой помощи: люди, кричащие от боли, повреждения, которые хирурги не знали, как лечить. И это я говорю о тех счастливицах, у кого был шанс выжить.

Живые должны дойти до больницы сами, чтобы получить помощь, мертвых же привозят в здание морга через пять минут с главной улицы Глазго. Я всегда говорила, что единственным преимуществом моей работы была бесплатная парковка в центре Глазго в рождественский период.

Снаружи морг – суровое здание – больше напоминал общественный туалет. Внутри все выложено кремовой плиткой, очень практично: легко мыть. Впрочем, приняли меня тепло: трое работников морга были явно рады видеть новое лицо, тем более женщину. Мне предложили чай с тортом. Я подумала, что это особая церемония из-за моего прихода, однако позже поняла, что они часто так делают, и была даже рада перерыву на чашечку чая, когда на работе случались тяжелые периоды. Джеки, Фентон и Алек станут моими «дядями» в морге и еще несколько лет будут присматривать за мной.

Я сразу отметила, насколько тихо в помещении. Повсюду пахло карболовым мылом – любимым чистящим средством Джеки. Зона общественного пользования была тускло освещена, я решила, что эта особая атмосфера создана для скорбящих родственников погибшего, но вскоре узнала, что дело в очередной причуде Джеки и его бережливом подходе к управлению моргом: он убирал дополнительные лампочки, чтобы не расходовать электричество. Уверена, отцы городского совета Глазго были бы рады, узнав, что один из работников блюдет их интересы. Между нами шла непрекращающаяся война. Фентон – мой главный союзник – вечно вкручивал недостающие лампочки и выливал в слив огромное количество карболового мыла – что, на мой взгляд, было правильным решением, учитывая, сколько всего вместе с мылом уходило в сток.

Профессор Уотсон, глава судебно-медицинского отделения, элегантный джентльмен, всегда ходил в костюме в тонкую полоску, даже когда приезжал на вызов в предрассветные часы. В волосах его пробивалась седина, на носу сидели очки без оправы, а говорил он с британским выговором. Он был тем авторитетным человеком, которого так любила судебная система. Я помнила его с тех пор, как была студенткой, он вел у меня лекции; теперь он рассказывал мне о том, как работает система, однако я хотела одного – попасть в секционный зал. В то время я понятия не имела, как отреагирую: надеялась только, что не хлопнусь в обморок, когда увижу тела и кровь.

Что ж, для начала, этот морг кардинально отличался от обычных больничных моргов: здесь все больше напоминало операционные, блестело нержавеющей сталью, стояли передовые вентиляционные системы, в комнатах для переодевания имелись душевые – в здании были представлены все современные удобства. Морг обладал каким-то диккенсовским очарованием.

В качестве кладовой и одновременно прохода в секционный зал использовалась импровизированная раздевалка. Вместо обычных халатов, одноразовых фартуков и перчаток мне указали на гору зеленых льняных рабочих халатов, легко очищающихся пластиковых фартуков и перчаток большого размера. 30 с лишним лет прошло, а мне все еще кажется, что морги предназначены для того, чтобы в них трудились очень высокие люди с огромными конечностями. У профессора был свой личный фартук, на котором несмываемым маркером было написано «ПРОФ». Мне пришлось довольствоваться фартуком с надписью «ИБС» – позже я узнала, что имелось в виду сокращение от «ишемической болезни сердца», любимого диагноза судмедэксперта. Этот диагноз и меня выручал время от времени. Разумеется, фартук был слишком длинным, и мне пришлось изловчиться, чтобы не запутаться в нем и не расшибиться о мраморный пол.

Переодевшись, мы прошли в секционный зал – большой и светлый, в нем стояло три белых фарфоровых стола. Каждый был рассчитан на два тела, что сейчас считается неприемлемым, да и в те времена не стоило так делать, но в ходе своей работы я выяснила, что на мертвых тогда денег не выделялось. Уже позже, когда судебная медицина стала неотъемлемой частью расследований, городские морги смогли позволить себе обновить оборудование, так как существовал риск испортить улики, содержащие в себе ДНК-материал.

Нас ожидали четыре тела, все на разных этапах вскрытия, все со своими трогательными за душу историями – они жаждали нашего внимания, мы должны были изучить их и установить причину смерти.

Первая смерть была от пожара, дальше двое пожилых, умерших внезапно, и один молодой человек – первый наркоман, которого я видела. Как Алиса в Стране чудес, я прыгнула в кроличью нору и открыла для себя ранее неизведанный мир. Как и она, я встретила интересных, странных и замечательных людей, живых и мертвых – мир, из которого не хочется уходить.

Следующие 13 лет я оттачивала мастерство в Глазго. За это время я провела более пяти тысяч вскрытий, большая часть смертей были неожиданными – вследствие несчастного случая или самоубийства, – однако мы жили в Глазго, поэтому встречались и убийства. В основном смерти от ножевых ранений: где-то один удар, а где-то больше сотни. Ранения наносились разными предметами: от простого карандаша до декоративного самурайского меча – это обычное украшение гостиных в Глазго в 1980-х годах. На втором месте шли тупые травмы, часто повреждение головы в результате ударов кулаками, ногами или любым увесистым предметом, например, молотком, разводным ключом или камнем – в сущности, тем, что под руку попадалось.

Через несколько лет появились и огнестрельные ранения. В руках бандитов Глазго оказалось новое оружие, и судмедэкспертам тоже пришлось включаться в игру. Я съездила в судебно-медицинское отделение в Белфасте, чтобы вникнуть в курс дел со стрельбой, которая нередко случалась во времена Смуты в Северной Ирландии¹³. Вдобавок ко всему, стали появляться случаи удушения.

Помимо этого мы преподавали студентам медицинского и юридического факультетов, а также создали программу для всех, кто имеет отношение к судебно-медицинской экспертизе, от медсестер и врачей до пожарных и юристов.

Судебно-медицинская экспертиза отнимает все ваше время. Вы не можете заниматься ею вполсилы: долгие смены, пропавшие выходные и пропущенные праздники в этой профессии норма. Коллеги становятся друзьями, а ваша семья должна с пониманием относиться к этому, партнер на время становится родителем-одиночкой, а вы едите, спите и дышите смертью.

¹³ Речь идет о политическом конфликте в Северной Ирландии, его официальными датами считаются 1960–1990-е годы. – Прим. ред.

В 1998 году я уехала из Глазго в Ирландию, чтобы в Дублине при профессоре Джеке Харбисоне занять место заместителя государственного патолога. Мне предстояло заниматься той же работой, что и прежде, однако я вдруг оказалась в публичном поле, что в Англии считалось неприемлемым. В Шотландии судебные патологи были известны небольшому кругу лиц, участвовавших в расследовании, а публика либо мало интересовалась, либо не интересовалась вовсе тем, кто мы и чем занимаемся.

Джека я знала много лет, и он всегда рассказывал нам о своей работе судмедэксперта. Однажды ему предстояло посетить Глазго в качестве внештатного эксперта на судмедэкспертизе для студентов-медиков. Он перепутал время прилета, поэтому машина, отправленная за ним в аэропорт, вернулась пустая. Позже, когда он добрался до аэропорта Глазго, никто его не встречал, и, разумеется, он обратился к полицейскому, попросив отвезти его в офис профессора Ванезиса. Полицейский понятия не имел, кто такие Джек и Ванезис, однако согласился обратиться к старшему офицеру. В конце концов они выяснили, что Джеку нужно в судебно-медицинское отделение, и позвонили нам. Джек ехал, полный энтузиазма, и удивился, что ни один человек в Глазго – явное преувеличение – не знает профессора с судебно-медицинского отделения. «Разумеется, любой в Ирландии меня знает». Ну конечно знает, Джек!

Перенесемся на несколько лет вперед. После громкого убийства Софи Тоскан дю Планта¹⁴ на востоке графства Корк в 1996 году стало понятно, что один судмедэксперт не может заниматься расследованием каждой подозрительной смерти по всей стране. Джек тогда связался со мной и спросил, не будет ли мне интересно присоединиться к нему в расследовании в Ирландии. Я ответила, что подумаю, и предложила заехать к нему, чтобы войти в курс дела. Когда я приехала в Дублин, Джек меня не встретил. Око за око! Из громкогоговорителя раздалось: «Доктор Кэссиди, прошу вас подойти к стойке информации». Рассчитывая услышать, что Джек опаздывает, я удивилась, когда подошли двое полицейских и объяснили, что профессор Харбисон сейчас на месте преступления и попросил отвезти меня к нему.

Меня посадили в полицейскую машину, и мы поехали из Дублина в Грейнджгорман, где нашли тела двух женщин. Я и не заметила, как разговаривала с судебными экспертами о следах: что важнее, сделать анализ ДНК или идентифицировать кровавые отпечатки? Дискуссия продолжилась и в Глазго. Речь шла об ужасном двойном убийстве, и тогда я не знала, что его не раскроют еще много лет. Мой приезд поставил точку: нужно ехать в Ирландию. А также позволил удостовериться, что все действительно знали Джека.

Так что вторым этапом в моей карьере стала Ирландия, офис государственного патолога. Та же работа, но отличная во многих отношениях.

Ирландцы одержимы смертью. Здесь посещение похорон – национальный вид спорта, в то время как в Шотландии нужно иметь непосредственную связь с умершим: быть членом семьи или близким другом, – чтобы тебя допустили к мясному пирогу, особой изюминке мероприятия.

В Ирландии о смертях объявляют по местным радиостанциям, и вместо того, чтобы проверять гороскоп или разгадывать кроссворд, люди смотрят газетные развороты, чтобы узнать, не умер ли кто поблизости, – это и есть веский повод зайти на похороны. У иных другие поводы, например «Я знал его кузину» или «Моя бабушка жила прямо за углом». Помню, на маминых похоронах мы знали каждого присутствующего в церкви, кроме одного человека – представителя из министерства юстиции. Приятное беспокойство, однако совершенно ненужное в Шотландии на похоронах. Он не остался на пирог. Но спасибо, что зашел, Ноэль.

Восхищение смертью выражалось в том, что пресса писала о разных случаях, не только убийствах, и поэтому Джек стал публичной фигурой. Он наслаждался славой, а я чувствовала

¹⁴ Софи Тоскан дю Планта была французским телевизионным продюсером, ее забили до смерти возле дома, где она отдыхала. – *Прим. пер.*

себя некомфортно от такого внимания. Попробуйте сделать покупки в супермаркете – чего, как я знаю, Джек не делал, – и люди обязательно подойдут поговорить. Мило, но я ведь знаю, что они оценивают содержимое моей тележки. Этого почти достаточно, чтобы стать трезвенником. Почти.

В следующие 20 лет я бросила все свои силы на расследования подозрительных смертей в Ирландии. За это время судебная медицина сильно продвинулась вперед, а роль судмедэксперта изменилась. Его присутствие на месте преступления, по мнению следователей, было излишним, однако я никогда не отказывалась от поездки. Достижения в области оказания помощи при травмах и модернизированная дорожная система привели к сокращению времени реагирования скорой помощи. Это означало, что тяжелораненых быстро доставляли в больницу и успешно реанимировали, а «простые» случаи, вроде единичного ранения колюще-режущим предметом или травм головы, никогда до нас не доходили. Дела, которые мы расследовали, стали более сложными. Несмотря на это, процесс оставался неизменным на протяжении многих лет, и, хотя морги также претерпели изменения, судмедэксперт в своей работе по-прежнему полагался на острый нож, ножницы и пилу, желательно электрическую.

Так было не всегда. Быстрые изменения в судебно-медицинской системе расследования смертей отражают изменения в науке и технологиях, а это влияет на все сферы нашей жизни. Однако, как и с любой сферой жизни, в реальности прогресс в области расследования преступлений занял несколько столетий.

Глава 2

Уроки смерти

Пока развивался процесс расследования смертей, оформилась роль судмедэксперта, мы вступили в новую эпоху и стали по-новому смотреть на проявления смерти.

До недавнего времени изучение тела в рамках расследования, призванное найти причину и определить обстоятельства смерти, проводилось скорее из любопытства, чем в попытке раскрыть дело. Первым зарегистрированным случаем вскрытия тела после убийства было дело Юлия Цезаря. 23 ножевых ранения и фатальный удар в грудь, пробивший аорту: «И ты, Брут». Вполне очевидный исход даже по современным меркам. Однако в целом вплоть до 1100-х годов смерть буквально была концом всему. Двигаемся дальше.

В течение восьми сотен лет после того, как норманны высадились в Ирландии в конце 1100-х годов, страна жила в тени Англии и перенимала ее законы. Даже уже независимая Ирландия еще цеплялась за отголоски прошлого, включавшие коронную¹⁵ систему расследования преступлений.

Если в Англии власти едва ли проявляли заинтересованность в том, чтобы блюсти интересы граждан, особенно бедных, то в Ирландии дела обстояли и того хуже. Горожане рассчитывали, что правители будут о них заботиться, защищать их интересы, однако, разумеется, за все приходилось платить. Английская корона поняла, что расследование смертей на родной земле и за ее пределами может принести пользу: власти якобы защищали интересы жителей, а на деле, пользуясь ситуацией, захватывали имущество умершего человека – возможно, это стало предвестником налога на наследство, – и штрафовали людей, причастных к преступлению. Человек, отдававший приказ от лица Короны, назывался коронером – некто между шерифом Ноттингема и братом Туком¹⁶, он присваивал имущество покойного любящего мужа, принося соболезнования безутешной вдове.

В 1194 году статьи Эйра закрепили роль коронера в расследовании смертельных случаев в Англии, следовательно, по умолчанию, и в Ирландии тоже. В Англии коронер должен был установить личность погибшего и определить причину и характер смерти, чем он и занимался в ходе проведения дознания. Тогда – и до недавнего времени – проведение дознания немногим отличалось от вполне спокойных слушаний в зале суда.

Коронер вместе с присяжными – кучкой достойных людей города – собирались в общественном месте и осматривали тело – получалось что-то похожее на современное вскрытие. Часто единственным помещением с подходящей для тела широкой поверхностью и возможностью разместить присяжных был местный трактир.

¹⁵ Коронер – это должностное лицо, расследующее смертельные случаи. – *Прим. пер.*

¹⁶ Речь идет о персонажах английских средневековых баллад о Робине Гуде. Брат Тук – монах, помощник Робина; шериф – главный антагонист историй. – *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.